

Американский эволюционный психолог Джеффри Миллер уверен: самая главная причина того, что люди отравили себе такой прекрасный высокоразвитый мозг, – это вовсе не орудийная деятельность, не охота и собирательство, не война с сородичами, не защита от хищников. Умная голова нужна нам в первую очередь для того, чтобы привлекать сексуальных партнеров. Те, кому лучше удавалось поразить возлюбленного своим острым умом, яркой речью и незаурядным юмором, строили более прочные отношения и выращивали больше потомства.

Эта идея подробно обоснована в книжке Миллера «The mating mind», а для тех, кто с ней и так согласен, Slon собрал самые модные научные гипотезы про любовь (ну и немножко про секс). Их можно пересказывать на свиданиях; современная эволюционная биология утверждает, что это помогает завоевывать и привязывать партнеров, и кто мы такие, чтобы с ней спорить?

1. Самые знаменитые грызуны на свете – это полевки Ларри Янга. Это два близких вида, у которых радикально отличается половое поведение. Горные полевки, как и большинство других животных, спят с кем попало и никаких устойчивых пар не формируют. Степные полевки, встретив своего первого партнера, привязываются к нему на всю жизнь, хранят верность, проявляют агрессию по отношению ко всем другим претендентам и вместе заботятся о потомстве.

Разница между моногамными и полигамными полевыми обусловлена небольшими отличиями в строении и распределении в мозге рецепторов к дофамину, окситоцину и вазопрессину. Если самцу моногамной полевки ввести препараты, блокирующие

вазопрессин, то наутро он скажет своей самке «прощай, детка!» — а вовсе не «выходи за меня замуж», как у них обычно бывает. С другой стороны, самца обычной лабораторной мыши (полигамного вида) можно, наоборот, настроить на верность, если вмешаться в работу его вазопрессиновых рецепторов методами генной инженерии.

У людей встречаются разные варианты вазопрессинового рецептора. По крайней мере одна из его генетических вариаций совершенно точно связана с проблемами в семейной жизни. Мужчины, обладавшие двумя копиями мутантного гена, вдвое реже вступают в брак. Если их все же удалось туда затащить, то ничего хорошего в этом нет: не только сами жертвы традиции, но и их жены демонстрируют в психологических опросниках более низкую степень удовлетворенности семейной жизнью, чем пары, в которых у мужчины все в порядке с вазопрессиновым рецептором — и со способностью формировать стойкую привязанность

2. На поверхности всех клеток нашего тела есть белки главного комплекса гистосовместимости. Это такие лапки, которыми клетка держит антигены и предъявляет их иммунной системе: «Смотри, в меня проник враг, убей меня, от греха подальше, и подними в организме тревогу!»

Эти белки очень-очень разнообразны, в нашей популяции есть тысячи вариантов каждого из них. Каждому конкретному человеку хорошо бы иметь максимально разнообразный набор генов гистосовместимости, то есть унаследовать от мамы и от папы непохожие варианты, — в этом случае выше шанс на то, что его иммунная система успеет своевременно заметить и обезвредить проникшую в организм инфекцию.

Выяснилось — сначала на мышах, а потом и на людях, — что эти гены влияют на восприятие запаха партнера. Если попросить людей разложить чужие потные футболки по степени привлекательности (или отвратительности) запаха, то обнаружится хорошая корреляция со степенью сходства и различия по генам главного комплекса гистосовместимости: чем люди ближе друг к другу генетически, тем более отвратительно они друг для друга воняют. К сожалению, этот механизм искажается, если женщина принимает оральные контрацептивы, — так что, выбрав отца своих будущих детей, нужно не забыть к нему как следует привыкнуть после отмены таблеток.

3. Самое важное биологическое отличие человека от других млекопитающих

закljučается в том, что женщины могут (и хотят) заниматься сексом независимо от фазы цикла и способности к зачатию. У всех нормальных животных это не так. У них самка заинтересована в сексе только тогда, когда у нее есть созревшая яйцеклетка, и уж в этот момент она своего не упустит и всем своим видом продемонстрирует окрестным самцам, что ее нужно трахнуть: все видели кошек в течке.

Американский антрополог Оуэн Лавджой считает, что это эволюционное достижение возникло у нас в связи с переходом к моногамии. Самкам гоминид было очень тяжело выращивать детенышей: за крупный мозг приходится платить долгим детством. От этой проблемы страдают и шимпанзе, но именно наши предки смогли решить ее гениальным образом. Мы начали формировать постоянные пары и делить обязанности: самец ходит добывать еду, а за это ему дома гарантированно обломится секс.

Это было отличное решение. Во-первых, оно способствовало развитию прямохождения: самец, у которого освободились руки, может принести больше еды. Самка, которой приносят еду, может родить еще одного детеныша, пока еще не окончательно вырос предыдущий, так что ей тоже нужны свободные руки, чтобы водить за собой всех этих детей, — одного в слинг (ну, тогда он еще просто сам держался за шерсть), второго за ручку. А во-вторых, такое устройство социума позволило, поделив самок, снизить межсамцовую агрессию (что отражается в прогрессивном уменьшении размера клыков у предков человека) и начать кооперироваться для охоты и завоевывать мир.

4. Любой гормон первоначально возникает в эволюции для управления работой внутренних органов, но на многие из них потом накручивается еще и психоактивное действие. Скажем, окситоцин, который вообще-то нужен для стимуляции сокращений матки при родах (в каковом качестве и используется в акушерской практике) и для выделения молока у кормящих матерей, вдобавок еще и делает людей обоих полов более добрыми, расслабленными, открытыми и доверчивыми.

Главный апологет окситоцина, нейроэкономист Пол Зак, считает, что это ужасно круто: что окситоцина у всех должно быть много, и тогда мы будем жить в обществе всеобщего мира, гармонии и счастья. На сайте Пола можно даже скачать приложение для смартфона, которое в течение двух недель будет рассказывать вам, как именно нарастить в организме уровень окситоцина, чтобы полюбить людей. В первую очередь там рекомендуется как можно чаще обниматься.

Но есть способ лучше. У всех млекопитающих есть такая штука, как рефлекс Фергюсона, – уровень окситоцина возрастает при механической стимуляции стенок влагалища и шейки матки. Ветеринары используют это явление, чтобы стимулировать выработку молока, если родившая свинья плохо кормит поросят. Мужчины используют это, подолгу занимаясь сексом: окситоцина у женщины при этом выделяется много-много, и ее привязанность к партнеру укрепляется. Так что если вы не уверены, что вам нужна настоящая любовь, то лучше ограничиться минетом. От него окситоцина поменьше.

5. Понятно, что связь окситоцина с любовью первоначально возникла в эволюции именно ради обеспечения привязанности к детенышам. Вообще, эволюция редко создает что-то с нуля – обычно она берет готовые механизмы и модифицирует их. Так произошло, допустим, с перьями у динозавров: первоначально эта модификация чешуи развилась для теплоизоляции, после взяла на себя функцию привлечения партнера, и только потом одна из групп динозавров научилась использовать их для полета и дожила до наших дней под условным названием «птицы». Так же было и с развитием моногамии у людей – мы научились любить своих партнеров так же, как все любят детенышей.

Еще один гормон, который в классических учебниках связан только с репродуктивной функцией, но в недавних исследованиях демонстрирует связь и с любовью, – это пролактин. Шотландский психолог Стюарт Броди в 2006 году провел серию экспериментов, доказывающих, что выброс пролактина – это надежный маркер пережитого оргазма. При этом уровень пролактина после секса выше, чем после мастурбации, а у женщин его концентрация после секса намного выше, чем у мужчин. Стюарт Броди считает, что именно пролактин отвечает за переживание расслабления и удовлетворенности после секса. Возможно, именно разница в выделении этого гормона у мужчин и женщин отвечает за то, что мужчины легче переключаются на другие дела сразу после секса, пока женщинам еще хочется мурлыкать и обниматься.

Если любовь к партнерам развилась на базе любви к детенышам, то это может объяснять и еще одну удивительную особенность человеческой эволюции – нашу инфантилизацию. У взрослых людей уплощены кости лицевого черепа, у них относительно крупная голова и глаза, мало шерсти на теле, они любознательны, сравнительно не агрессивны и хорошо переносят скученность – все эти признаки у других видов характерны скорее для детенышей, чем для взрослых особей. Способность достигнуть половозрелости, сохранив при этом черты детеныша, – это общее свойство одомашненных животных; эксперименты по выведению дружелюбных лисиц привели одновременно к изменению их морфологии, сделав их более похожими на детенышей (и на собак, прошедших этот процесс раньше). С этой точки зрения можно сказать, что человек – это животное, которое одомашнило само себя. И сделало это, вполне

5 научных фактов про любовь

Добавил(а) Этология.ру
22.03.13 09:21 -

возможно, ради более сильной любви.

Статья сайта Этология.ру